

А. В. Сергеев

ЧОУ ДПО «Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства», Санкт-Петербург, Россия. sergeev1967@inbox.ru

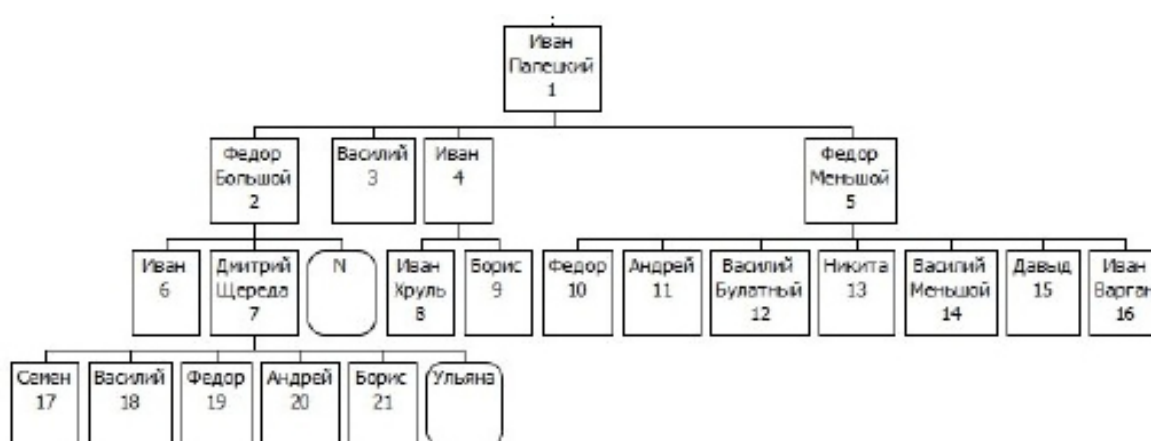
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ КНЯЖЕСКОЙ АРИСТОКРАТИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI В.: КНЯЗЬЯ ПАЛЕЦКИЕ

Статья посвящена определению степени участия в политических событиях, характера землевладения представителей младшей фамилии Стародубских Рюриковичей — князей Палецких. Их пример показывает, что старшинство в «родословной лестнице» было существенным, но не определяющим фактором общественного положения, которое в большей мере зависело от успеха служебной карьеры. Росту социального статуса Палецких способствовала политическая деятельность князя Дмитрия Щереды. По сравнению с другими княжескими фамилиями у Палецких был очень высок процент погибших на службе в ходе военных действий.

Ключевые слова: князья Стародубские, социальный статус, фамилия, служба, родословная, землевладение

Князья Палецкие играли заметную роль в Русском государстве в первой — второй третях XVI в., но в историографии эволюция их общественного положения, служба и землевладение изучены неполно [Русский биографический словарь, с. 142–146; Зимин, с. 42–43; Давыдов, с. 150–152].

Основателем рассматриваемой фамилии был сын князя Давыда Андреевича Стародубского Иван, живший во второй — последней третях XV в. [Экземплярский, с. 195]. Его потомки стали именоваться по центру родовой вотчины в Стародубе Ряполовском — селу Палех — Палецкими (Палехскими). В ветви Стародубских Рюриковичей они были самыми младшими. Родословная Палецких, построенная по данным «Русской родословной книги» [Лобанов-Ростовский, с. 58–60] и «Бархатной книги»¹, представлена на ил. 1. Для удобства ее соотнесения с текстом статьи у князей поставлены номера. Биографии Палецких рассматриваются ниже по поколениям в порядке старшинства.

Ил. 1. Родословная князей Палецких

У И. Д. Палецкого (1) было четверо сыновей. Старший и младший звались одинаково — два Федора. Князь Федор Иванович Большой (2) служил Ивану III и исполнял ответственные

¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. 2. С. 83–85.

поручения в военной, административной, дипломатической сферах. Одно из первых его упоминаний относится к 1480 г., когда он находился при Иване III во время нашествия хана Ахмата и знаменитого «стояния на Угре»². В марте 1488 г. он был назначен руководителем посольства в Литву к королю Казимиру. Ему надлежало передать личную просьбу Ивана III об отпуске жены отъехавшего на московскую службу князя Федора Ивановича Бельского. В «верющей» грамоте князь Ф. И. Палецкий именовался сыном боярским, что указывает на невысокий статус посольства и самого посла, еще не выслужившего значительных чинов³. В мае 1497 г. князь Федор вместе с князем С. Д. Холмским возвели по воле московского государя на казанский престол хана Абдыл-Летифа⁴. Согласно летописному сообщению, в 7008 (1499/1500) г. Ф. И. Большой участвовал в походе на литовские земли⁵. Он упоминался разрядами 7010 (1501/1502) и 7011(1502/1503) г., когда возглавлял сторожевой полк в литовских походах⁶. Приведенные, хотя и немногочисленные, сведения источников позволяют характеризовать его как способного государственного деятеля и заметную фигуру в Государевом дворе последних десятилетий правления Ивана III. Карьера Ф. И. Большого могла несколько замедлиться вследствие опалы и казни в 1497 г. его родственника Ивана Ивановича Хруля (8), участвовавшего в заговоре против объявленного наследником московского престола великого князя Дмитрия-внука. Приход к власти Василия III в 1505 г., казалось, обеспечивал Ф. И. Большому и другим Палецким рост общественного статуса, но вмешались роковые обстоятельства. Как человек компетентный в «казанском вопросе» и сторонник нового великого князя, Федор Иванович был одним из руководителей казанской военной экспедиции 1506 г. — четвертым воеводой в большом полку. Однако плохая подготовка этого предприятия, военная некомпетентность назначенного главнокомандующим брата великого князя Дмитрия Жилки привели к провалу похода, значительным потерям среди воевод и рядовых воинов⁷. В числе погибших был князь Федор Палецкий [Гневашев, с. 680—681]. Косвенным указанием на то, что все сведения до 1506 г., приведенные в разрядах и летописях, относятся к Ф. И. Большому, а не к его младшему брату-тезке, является отсутствие прозвища «Большой» или «Меньшой», необходимого для различения братьев, если бы они служили одновременно. В начале XVI в. Ф. И. Меньшой еще не получал разрядных назначений, поэтому необходимости в уточнении не было.

Второй сын князя И. Д. Палецкого Василий Иванович (3) умер в молодых годах, не оставив потомства. Скорее всего, к нему относится поминание в синодике Троице-Сергиева монастыря (далее — ТСМ): «кн(я)зя Василя (Палецкой)»⁸. Датировка записей в данной части рукописи расплывчата, и его кончина могла случиться в широком временном интервале: 1508—1519 г. Не исключено, что в поминании подразумевался племянник В. И. Палецкого Василий Булатный (12), погибший в 1514—1516 г.

Деятельность третьего сына И. Д. Палецкого Ивана Ивановича (4) отмечена разрядами только после 1506 г., но, по летописной информации, он участвовал в литовском походе 7008 (1499/1500) г. вместе с братом Ф. И. Большим⁹. Согласно родословным, его старшим сыном был упоминавшийся выше И. И. Хруль (8), участвовавший в заговоре сторонников будущего Василия III во время борьбы между наследниками Ивана III. Заговорщики обвинялись в покушении на жизнь Дмитрия-внука и его матери Елены Волошанки, поэтому приговор им был суров. 27 декабря 1497 г. вместе с соучастниками Иван Хруль был казнен: «сведав то и обыскав

² ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 307.

³ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 13.

⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 12. С. 243.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 214.

⁶ Разрядная книга 1475—1598 гг. (далее — РК1598). М., 1966. С. 34.

⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 2; Т. 24. С. 215—216.

⁸ РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 158. В круглых скобках помещен текст, написанный в рукописи над именем.

⁹ ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

князь великий Иоанн Васильевич злую их мысль, и велел изменников казнити. Казниша их на Москве-реке пониже мосту шестерых: Афанасию Ропченку руки да ноги и голову ссекоша, а диаку Федору Страмилову да Володимеру Елизарову, да князю Иоанну Палецкому Хрулю, да Щавию Скрябина сына Стравина, темь четверым головы ссекоша, декабря в 27 день»¹⁰. Это событие неблагоприятно отразилось на положении всех потомков И. Д. Палецкого, но после победы «партии» Василия III их положение укрепилось. В войнах 1506–1508 г. И. И. Палецкий (4) занимал важный пост командира полка правой руки. Во время похода на Смоленск в 7016 (1507/1508) г. он был вторым воеводой сторожевого полка. Осенью 1508 г. князь Иван служил одним из главных воевод в Вязьме. Последний раз разрядами он был отмечен третьим воеводой в Серпухове в 7020 (1511/1512) г.¹¹

О четвертом сыне И. Д. Палецкого князе Федоре Ивановиче Меньшом (5) известно мало. Разрядных служб ему исполнять не довелось. Согласно поминальной записи Синодика Кремлевского Успенского собора, он погиб в боях за Смоленск около 1514 г. вместе с тремя старшими сыновьями Федором (10), Андреем (11) и Василием (12)¹². С другой стороны, по сведениям «Бархатной книги», двое старших сыновей Ф. И. Меньшого Федор и Андрей умерли в литовском плену, а третий — Василий Булатный — был «убить подь Смоленскимь»¹³. Информация последнего источника подтверждается литовским списком русских пленных, согласно которому князья Федор и Андрей Палецкие содержались в заключении в Ковно. Князь Федор (10) умер не ранее 1525, но до 1538 г. [Антонов, Кром, с. 156, 166, 172, 185]. Князь Андрей, как будет показано ниже, скончался около 1550 г., пережив брата на десятилетие.

Таким образом, все сыновья И. Д. Палецкого (1) сошли с политической сцены к 1515 г. Деятельность следующего поколения князей этой фамилии охватывает середину второго десятилетия — конец 50-х годов XVI в. Из общего хронологического порядка выбивается биография князя И. И. Хруля (8). Как отмечено выше, он участвовал в заговоре 1497 г., будучи уже достаточно взрослым человеком, и, следовательно, родился не позднее начала 1480-х годов. Хронологическая нестыковка состоит в том, что служебная деятельность всех двоюродных братьев И. Хруля началась в 1510-х годах, то есть через 15–20 лет после казни заговорщиков 1497 г. Таким образом, И. Хруль оказывается почти на поколение старше остальных внуков И. Д. Палецкого. При этом его отец не был старшим, а только третьим из сыновей И. Д. Палецкого. Возможно, в «Бархатной книге» и некоторых других родословных место И. Хруля указано неверно. А. В. Экземплярский считал его сыном И. Д. Палецкого [Экземплярский, с. 195]. По-видимому, ученый опирался на сообщение Типографской летописи о казни заговорщиков 1497 г., в котором И. Хруль назван сыном Ивана Палецкого¹⁴. Однако «по отчеству» он мог приходиться как сыном, так и внуком И. Д. Палецкому (Ил. 1). Косвенно в пользу наличия у И. Д. Палецкого еще одного сына Ивана указывает прозвище «Хруль» ('коротыш', 'мальш'), которое могло использоваться для различения братьев [Давыдов, с. 151]. К сожалению, имеющейся информации источников недостаточно для однозначного решения этого вопроса, поэтому не исключены иные объяснения отмеченного несоответствия.

Сыновья Ф. И. Большого Иван (6) и Дмитрий (7) Федоровичи продолжили служебные достижения Палецких. Считавшаяся почетной гибель отца на государевой службе могла отчасти содействовать их успехам.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 246, 263.

¹¹ РК1598. С. 38, 39, 41, 43, 46.

¹² «Благоверному князю Федору Ивановичю и детям его князю Федору и князю Андрею, и князю Василию Палецким, убиенным от безбожных литвы под Смоленском» (Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 171).

¹³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... С. 84.

¹⁴ «Лета 7006-го поималъ князь великий по Рождестве Христове Володимера Гусева, Елизарова сына, да Афонасия Яропкина, Ивана Хруля, сына Палетского, князь Ивана, да Щавья Скрябина, да Федора Страмилова, да Поярка, Роунова брата, и велелъ ихъ казнити смертноу казнью» (ПСРЛ. Т. 24. С. 214).

Старший сын Ф. И. Большого Иван Федорович получил думный чин окольничего около 7032 (1523/1524) г.¹⁵ Разрядами он упоминался в 7025 (1516/1517) г. во время военных действий на западной границе вторым воеводой передового полка с князем И. М. Воротынским. Весной 1519 г. И. Ф. Палецкий занимал должность второго воеводы в Стародубе-Северском с князем Ф. И. Хованским¹⁶. В 7032 (1523/1524) г. он, по свидетельству «Казанской истории», был одним из воевод московской рати, подступавшей к этому городу¹⁷. Видимо, учитывая опыт, приобретенный И. Ф. Палецким в этой экспедиции, его в 7037 (1528/1529) г. назначили послом Василия III в Казань, но посольство не состоялось вследствие разрыва мирных отношений и последовавшего похода московских войск¹⁸. В феврале 1527 г. он вместе с другими князьями и детьми боярскими поручился за князя Михаила Глинского. В «поручной» записи чин окольничего у него не указан¹⁹. Князь Иван Федорович скончался около 7039 (1530/1531) г. Вклад (50 руб.) по нему в ТСМ дал его брат Дмитрий 3 августа 1533 г.²⁰, и соответствующее поминание сохранилось в синодике²¹. О жене и детях И. Ф. Палецкого определенной информации нет. В литовском списке русских пленных отмечен отсутствующий в родословных «князь Аньдрей Иванов сын Палецкий» с пометой «поиман под Смоленском» [Антонов, Кром, с. 173, 185]. Если эта информация верна, то отцом его, скорее всего, был князь Иван Федорович, но, поскольку в других источниках об А. И. Палецком не упоминается, а, с другой стороны, известно о пленении под Смоленском князя Андрея Федоровича (11), можно допустить, что отчество в тексте передано неточно — «Иванович» вместо «Федорович». Может быть, в списке его назвали «Иванов сын Палецкий» по деду И. Д. Палецкому (1). Кроме того, имя Андрея Ивановича отсутствует в монастырских поминальных списках Палецких, тогда как остальные князья в них включены.

Самой выдающейся в XVI в. не только среди Палецких, но и среди всех князей ветви Стародубских Рюриковичей была карьера второго сына Ф. И. Большого Дмитрия Щереды (Череды) (7). Первый раз он был отмечен разрядами в 7035 (1526/1527) г. воеводой в Мещевске, потом находился в Одоеве под началом князя И. М. Воротынского. В следующем 7036 (1527/1528) г. князь Дмитрий служил третьим воеводой в Калуге с князьями В. А. Ногтевым и И. Ф. Овчиной Телепневым Оболенским²². По зимней росписи 1531 г. он должен был занять место третьего воеводы передового полка в Туле в рати князя И. М. Воротынского. В июле 1531 г. Д. Ф. Палецкий (7) был вторым воеводой сторожевого полка в Одоеве в войске князя Ф. И. Одоевского. В августе 1533 г. Д. Ф. Палецкого (7) направили в числе «легких воевод» с Коломны на бывших «в разгонех» крымцев, напавших «на резанские места». Его успешные действия были отмечены летописью²³. Во время предсмертной болезни Василия III он находился в его окружении («...егда же поиде (Василий III. — А. С.) с Волока во Иосифов монастырь, а бысть у него в каптане (санях) К. Дм. Ив. Шкурлятев, да К. Дм. Фед. Палецкой») [Карамзин, т. 7, примеч. 321, стб. 48–49]. В 7042 (1533/1534) г. Д. Щереда (7) был наместником в Великих Луках. По декабрьской росписи 1534 г. он назначался вторым воеводой передового полка с князем М. М. Курбским для похода на Литву из Новгорода. В 1536 г. Д. Ф. Палецкий (7) снова упоминался разрядами наместником в Великих Луках. В апреле 1537 г. вместе с боярином

¹⁵ Послужной список старинных Бояр и Дворецких, Окольничих и некоторых других придворных чинов... // Древняя российская вивлиофика, издаваемая Николаем Новиковым. Изд. 2-е. М., 1791. Ч. XX. С. 22, 24.

¹⁶ РК1598. С. 60, 62.

¹⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 19. Стб. 248.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 46–47.

¹⁹ Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 9–10.

²⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 67.

²¹ «Кн(я)з Иона (Палецкой)» (РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 185). По датировке на полях рукописи запись относится к 7042 (1533/1534) г.

²² РК1598. С. 71, 72.

²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 71–72; РК1598. С. 82.

В. Г. Морозовым Д. Щереда в звании дворецкого Нижнего Новгорода повез в Литву королю Сигизмунду для утверждения перемирную грамоту по случаю окончания Стародубской войны. Одна из задач посольства заключалась в достижении договоренности об освобождении русских пленных, взятых в ходе войн за Смоленск. Выбор в послы князя Дмитрия, у которого в плену находились двоюродные братья, скорее всего, не был случаен. Во время посольства он мог узнать о смерти князя Федора (10) в тюрьме Ковенского замка и об Андрее Федоровиче (11). Из посольства Д. Щереда вернулся в августе того же 1537 г.²⁴ По осенней росписи 1537 г. ему надлежало занять место второго воеводы полка правой руки конной рати для похода на Казань, который не состоялся вследствие начала мирных переговоров. В августе 1538 г. он был третьим воеводой большого полка в войске, стоявшем в Коломне, уже с чином дмитровского дворецкого. То же место князь Дмитрий занимал там же летом 1542 г. В придворной борьбе между «партиями» князей И. В. Шуйского и И. Ф. Бельского Д. Щереда (7) был на стороне первого, что позволило ему удержать высокое положение в Государевом дворе после переворота в январе 1542 г. В сентябре 1543 г. Д. Палецкий (7) поддержал теперь уже А. М. Шуйского в конфликте с царским любимцем Федором Семеновичем Воронцовым. В сентябре 1545 г. Д. Ф. Палецкий (7) вместе с некоторыми приближенными юного великого князя Ивана (князьями И. И. Кубенским, П. И. Шуйским, А. Б. Горбатым, а также Ф. С. Воронцовым) попал в кратковременную опалу, снятую в декабре того же года. После кончины старшего брата Ивана Д. Щереда (7) не «наследовал» его чин окольничего, но спустя несколько лет получил боярство, миновав эту промежуточную ступень. Впервые о наличии у него высшего думного чина упоминается в летописном сообщении об опале 1545 г. и затем в 1546 г., когда бояре князя Дмитрий Федорович Бельский и Д. Ф. Палецкий (7) ездили в Казань «сажать на царство» союзника Московских государей — Шигалея²⁵. В июле 1547 г. разряды отметили его в числе бояр, сопровождавших молодого великого князя в поход «на свое дело и на земское» в Коломну²⁶. С этим чином он записан в отрывке «Боярского списка» 1547 г. [Назаров, с. 52]. Осенью этого же года Д. Щереда (7) породнился с царской семьей, выдав дочь Ульяну за брата Ивана Грозного князя Юрия Васильевича²⁷. В декабре 1547 г. князь Д. Ф. Палецкий (7) находился среди бояр царской свиты в первом казанском походе и был в начале 1548 г. назначен вторым воеводой большого полка в войске, посланном к Казани с царем Шигалеем. Это было заметным возвышением князя Дмитрия, что можно заключить по местническому протесту князя В. С. Серебряного-Оболенского: «князь Василей Семенович бил челом царю и великому князю, что ему в правой руке в других воеводах быти непригоже для князя Дмитрея Федоровича Палецкого, что князь Дмитрей в болшом полку в других воеводах. И царь и великий князь князю Василью в правой руке быти велел, а та ему служба не в места; а как с службы сходят, и им тогды дати счет». Зимой 1549 г. боярин князь Д. Ф. Палецкий (7) в составе царской свиты участвовал в казанском походе. Летом 1550 г. он был снова среди бояр во время похода «царя и великого князя по крымским вестем на Коломну»²⁸. В Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 1550-х годов князь Д. Ф. Палецкий (7) записан в списках бояр²⁹. Осенью 1551 г. Д. Щереда (7) возглавил посольство к правившему в Казани царю Шигалею с требованием выдать «русский полон», согласно ранее заключенному соглашению. В Казани ему с трудом удалось избежать смерти от рук противников московского государя, готовивших политический переворот. Вскоре Д. Ф. Палецкий (7) занял место в руководящем составе царского войска, осаждавшего Казань летом — осенью 1552 г., и участвовал в кровопролитном штурме города.

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 88, 117, 120.

²⁵ Там же. С. 140, 141, 145, 147–148.

²⁶ РК1598. С. 110–111.

²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 154.

²⁸ РК1598. С. 114, 122, 127.

²⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 54, 111.

Именно ему сдался в плен последний правитель этого ханства царь Едигер³⁰. Таким образом, пик служебных успехов Д. Щереды пришелся на конец 1540-х — начало 1550-х годов.

Во время «политического кризиса» весной 1553 г., вызванного тяжелой болезнью царя, Д. Ф. Палецкий (7) занял колеблющуюся позицию, стремясь соблюсти интересы своего зятя князя Юрия Васильевича. В летописи отмечены его переговоры со сторонниками претендовавшего на престол двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича Старицкого, которые он вел через другого зятя — окольничего Василия Петровича Бороздина. Полагая, что слово «зять» подразумевает мужа дочери, А. Б. Лобанов отметил у Д. Щереды кроме Ульяны еще одну, неизвестную по имени дочь, заметив при этом, что П. В. Долгоруков ошибочно назвал ее дочерью Ф. И. Большого (2) [Лобанов-Ростовский, с. 60; Долгоруков, с. 61]. В Царственной книге про В. П. Бороздина определенно сказано, что «за ним бе князя Дмитрея Палецкого сестра»³¹. Н. М. Карамзин в примечании к данному месту «Истории государства Российского», которой пользовался А. Б. Лобанов-Ростовский, также поместил эту цитату [Карамзин, т. 8, примеч. 379, стб. 53], но А. Б. Лобанов-Ростовский не обратил внимания на это уточнение. Видимых последствий для Д. Щереды (7) события весны 1553 г. не имели, и летом того же года он снова находился в числе бояр царской свиты в походе на Коломну. Вскоре ему дали важное назначение в один из главных городов Московского государства — Великий Новгород. Разряды упоминают его как новгородского наместника в августе 1555 г. Сохранилось несколько царских грамот, адресованных ему по разным вопросам управления [Греков, с. 25—43]³². Д. Ф. Палецкий (7) принимал участие в военных операциях против шведов на Северо-Западе в качестве одного из руководителей войска в 1555 г.³³ Летом 1556 г. он находился среди бояр царской свиты в походе к Серпухову. Осенью Д. Ф. Палецкий (7) был вторым воеводой большого полка в Калуге и вместе со знатнейшим лицом государства боярином князем И. Ф. Мстиславским управлял войсками на южном рубеже. Летом 1557 г. Д. Щереда (7) снова сопровождал царя в походе к Коломне³⁴.

Служебные успехи двоюродных братьев князя Дмитрия были существенно скромнее. Сын И. И. Палецкого Борис Иванович (9) начал службу во втором десятилетии XVI в. после кончины отца. Свою судьбу он связал со Старицким уделом брата Василия III князя Андрея Ивановича. Здесь ему был дан чин конюшего. Конец карьере Б. И. Палецкого был положен «мятежом» А. И. Старицкого в 1537 г. Вместе с другими приближенными удельного князя он был арестован³⁵. Из заключения его освободили после смерти Елены Глинской весной 1538 г., и уже в 7048 (1539/1540) г. князь Борис служил вторым воеводой в Костроме с князем И. А. Катырем-Ростовским и младшими двоюродными братьями Никитой (13) и Давыдом (15)³⁶. Вскоре он постригся под именем Боголеп и умер около 1544 г.³⁷ Поминальный вклад 50 руб. по нему в ТСМ был дан двоюродным братом Давыдом Федоровичем 10 августа 1544 г. Сыновей после князя Бориса не осталось.

Как отмечено выше, двое из трех старших сыновей Ф. И. Меньшого (5) попали в литовский плен около 1514 г. По князьям Федору (10), Василию Булатному (12) и Василию Меньшому (14) в ТСМ дал вклад 15 руб. их младший брат князь Давыд (15) в июне 1538 г. (следовательно,

³⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 171—173, 208.

³¹ Там же. С. 532.

³² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. С. 121, 125, 124, 132; ПСРЛ. Т. 13. С. 260.

³³ ПСРЛ. Т. 13. С. 263, 280.

³⁴ РК1598. С. 153—156, 160, 162, 177.

³⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 97, 431.

³⁶ РК1598. С. 100.

³⁷ «Кн(я)зя инока Боголепа (Палецкого)» (РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 80). Записи в этой части рукописи датированы 7053 (1544/1545) г.

о кончине в плену князя Ф. Ф. Палецкого его родным уже было известно). По князе Андрее (11) им же поминальный вклад 50 руб. был сделан 13 октября 1550 г.³⁸ Таким образом, в 1538 г. Андрей Федорович был жив и находился в Литве, а указанные трое из его братьев умерли к этому времени. Вкладная запись князя Давыда 1538 г. упоминала двух князей Василиев. Первый — Василий Булатный, а другой — его младший брат и тезка Василий Меньшой (14). Последний был отмечен разрядами один раз в 7040 (1531/1532) г. вторым воеводой на реке Унже³⁹ и скончался между 1532 и 1538 г. Что касается князя Андрея (11), то он умер около 1550 г., находясь в плену.

Судьба трех старших сыновей Ф. И. Меньшого была несчастливой, их служебная деятельность завершилась, едва успев начаться. В сравнении с ними удачнее была карьера их брата Никиты Федоровича (13). В августе 1528 г. он был вторым воеводой на реке Унже вместе с князем И. И. Барбашиним. В июле 1531 г. князь Никита служил третьим воеводой на южной границе «против Люблина», а потом вторым воеводой в Туле. В 1532 г. он был вторым воеводой в Серпухове с князем И. М. Воротынским, а в 7041 (1532/1533) г. — наместником в Мещевске и пятым воеводой на реке Бобрисе. В июле 1535 г. Н. Ф. Палецкий был назначен вторым воеводой в полк левой руки в войско под командованием князя Федора Даировича и В. А. Шереметева, собиравшееся в Брянске против литовцев. Летом 1537 г. он отмечен разрядами вторым воеводой «за городом на Костроме», а потом четвертым воеводой в Плесе. В 1540 г. князь Н. Ф. Палецкий служил третьим воеводой в Костроме (вторым, как указывалось выше, был его дядя Б. И. Палецкий). Зимой этого же года он был вторым воеводой в Костроме вместе с дядей великого князя князем Ю. В. Глинским⁴⁰. Во время пребывания на службе в Костромском уезде князь Никита мог получить поместье, с которого позднее служил его младший брат Давыд (15). Исчезновение Н. Ф. Палецкого из разрядов после 1540 г. может объясняться различно: уход в монастырь, тяжелое ранение, преклонный возраст. В данном случае причинами, скорее всего, были старость и болезни, но, несмотря на это, он прожил еще около 10 лет. Его кончина может датироваться концом 1540-х годов по записи в синодике ТСМ под 7058 (1549/1550) г.⁴¹ Вклад, обеспечивший указанное поминание, вкладной книгой ТСМ не отмечен, хотя, несомненно, имел место быть. В этом памятнике записан только небольшой вклад (10 руб.) самого князя Никиты, помеченный 21 июля 1538 г., по Федору Телятеву⁴², видимо, связанному с Палецкими родством или свойством.

Шестой сын Ф. И. Меньшого князь Давыд (15) стал во второй трети XVI в. наиболее заметным лицом из Палецких после Д. Щереды (7). Ему был пожалован думный чин окольничего. Его успехам помимо личных качеств, вероятно, способствовало близкое родство с Д. Щередой (7). Одно из первых упоминаний Давыда Федоровича источниками относится к 1527 г., когда вместе со старшим двоюродным братом Иваном (6) он поручился в верности князя М. Л. Глинского⁴³. Разрядами князь Давыд был впервые отмечен в 1540 г. на упоминавшейся выше службе в Костроме со старшими братьями: родным Никитой (13) и двоюродным Борисом (9). В том же году он был в собравшемся во Владимире войске вторым воеводой полка левой руки. В декабре 1541 г. князь Давыд служил там же вторым воеводой в сторожевом полку. В июне 1543 г. он был третьим воеводой в Серпухове, а через год снова находился в этом городе вторым воеводой⁴⁴. В апреле 1545 г. князь Давыд участвовал в походе на «Казанские места» во главе сторожевого

³⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 67.

³⁹ РК1598. С. 80.

⁴⁰ Там же. С. 72, 75, 77, 80, 82, 83, 88, 92, 93, 100.

⁴¹ «Кн(я)з Никиту (Палецкого)» (РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 205).

⁴² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 76.

⁴³ Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 9–10.

⁴⁴ РК1598. С. 100, 103, 105, 108.

полка судовой рати⁴⁵. Во время казанского похода царя Ивана зимой 1547–1548 г. он был вторым воеводой полка левой руки, а в войске, посланном к Казани с царем Шигалеем, занял место второго воеводы передового полка. Весной 1549 г. князь Давыд возглавлял полк левой руки в рати князя А. Б. Горбатого, собиравшейся в Нижнем Новгороде для предполагавшегося похода к Казани. Осенью этого года он в Коломне был вторым воеводой передового полка. Перечисленные назначения характеризуют его как компетентного военачальника. Весной 1550 г. Давыд Палецкий служил на южном рубеже вторым воеводой в Пронске, а осенью — вторым воеводой в Рязани⁴⁶. В Тысячной книге 1550 г. он был записан в 1-й статье по Костроме⁴⁷. В 1551 г. Давыд Федорович участвовал в ответственной военной экспедиции по постройке Свияжска вторым воеводой в полку правой руки. В значительной степени успех этого предприятия предопределил падение Казанского ханства. В последнем казанском походе 1552 г. Давыд Федорович занимал сперва должность второго воеводы большого полка в полевой рати, шедшей из Мурома, а после соединения со свияжскими воеводами был вторым воеводой полка правой руки. Во время осады Казани в сентябре 1552 г. он в войске князя А. Б. Горбатого, посланном «на арские места», был вторым воеводой сторожевого полка⁴⁸. После возвращения царя из этого победоносного похода князь Давыд получил в награду за службу окольникство и с этим чином был отмечен в царской свите во время коломенского похода летом 1553 г. В Дворовой тетради 1550-х годов он также записан в списке окольников⁴⁹. В августе князь Давыд получил назначение третьим воеводой в Серпухов, а осенью — вторым воеводой сторожевого полка в Коломну. Осенний поход к Коломне не состоялся, а Давыд Федорович находился в Кашире вторым воеводой. Весной 1554 г. он был назначен на годовую службу в Свияжск воеводой «на вылоске», но потом отмечен вторым воеводой полка правой руки в Кашире, а в июле — третьим воеводой в Серпухове. Возможно, он так и не добрался до Свияжска или успел вернуться к июлю 1557 г., когда в числе других окольников находился в царской свите в походе к Коломне «по вестем князя Дмитрея Вешневца, что царь крымской вышел со многими с прибылыми людьми»⁵⁰. Это было последнее отмеченное разрядами назначение князя Давыда. Спустя год он умер. В одном из неопубликованных списков Дворовой тетради около его имени сделана помета «66 умре», что означает время кончины 7066 г. (1557/1558) г.⁵¹ Из вкладной книги Костромского Ипатьевского монастыря известен день его «преставления» — 3 июля. Следовательно, он умер 3 июля 1558 г. Это редкий для XVI в. случай, когда дата кончины может быть определена столь точно.

В соответствии с завещанием князя Давыда, его душеприказчики — двоюродный брат Дмитрий Палецкий (7) и родня из Стародубских Рюриковичей Иван Борисович Ромодановский и Семен Иванович Гундоров — передали в Кирилло-Белозерский монастырь «в дом Пречистой и Кирилу чудотворцу, и игумену Матфею з братею по князе Давыде по Палетцком двести рублей денег. И за то даяние князя Давыда написали во все сенаники без выгладки, а кормити по нем на год два корма, доколе и монастырь стоит»⁵². Большой вклад по нему был дан в Ипатьевский монастырь теми же душеприказчиками. 1 сентября 1558 г. монастырю было передано село Михайловское с деревнями в Костромском уезде в Еменском стане и 100 руб. деньгами. Ранее князь Давыд «при своем животе» дал в эту обитель 100 руб. В монастырский синодик за этот вклад были вписаны: князь Давыд, его отец Федор Меньшой, мать княгиня Анисья, братья

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 146.

⁴⁶ РК1598. С. 113, 114, 118, 124, 129.

⁴⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 57.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 163, 210.

⁴⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 113.

⁵⁰ РК1598. С. 131, 134, 135, 137, 141, 143, 145, 156, 159, 163.

⁵¹ РНБ. Ф. 487. Собр. Н. М. Михайловского. Ф.162. Л. 45 об.

⁵² Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3 (4). С. 46.

Федор (10), Василий Булатный (12), Никита (13), Евсигней, Иван (16), Василий Меньшой (14) Федоровичи, жена Давыда княгиня Евдокия. День рождения князя Давыда — 26 июня, на память преподобного Давида «иже в Селуни», а день смерти — 3 июля. Отмечены в поминании дни рождения («памяти») и кончины («години») соответственно: Ф. И. Меньшого (18 августа, 27 декабря); Федора Федоровича (10) (24 февраля, 27 декабря); Василия Булатного (29 августа, 28 февраля); княгини иноки Анисьи (20 января, 15 июля); княгини Евдокии (17 мая, 4 августа); Никиты Федоровича (13) (5 августа, 28 мая); Ивана Федоровича (16) (11 февраля, 12 марта); Василия Меньшого (26 апреля, 22 марта); Андрея Федоровича (11) (12 марта, 5 августа)⁵³. Не вполне понятна причина совпадения дня смерти (27 декабря) князя Ф. И. Меньшого (10) и его сына Федора (10), поскольку первый погиб в бою с литовцами около 1514 г., а второй умер в плену значительно позднее. Возможно, в тексте неточность — перепутаны их «години» и «памяти». Из сравнения имен во вкладной записи и в синодике видно, что под молитвенным именем Евсигней указан князь Андрей Федорович (11). Этот факт подтверждается также сопоставлением записей о вкладе князя Давыда в ТСМ по брате Андрее 13 октября 1550 г. и синодике этого монастыря под 7059 (1550/1551) г.: «кн(я)з Евсегнея (Палецкого)»⁵⁴. В другом синодике ТСМ у его имени сделана помета «положен в Литве», указывающая на место погребения и подтверждающая факт кончины в литовском плену⁵⁵. В Ипатьевском монастыре долгое время хранилась «данная» грамота душеприказчиков князя Давыда на село Михайловское с деревнями и пустошами. В настоящее время ее текст издан, а сам документ находится в фонде грамот Коллегии экономии РГАДА⁵⁶. В «данной» упоминается утраченное или еще не найденное его завещание (духовная грамота), перечислены вотчинные владения (сельцо Михайловское с 12 деревнями), зафиксированы имена жены князя Давыда княгини Евдокии и молитвенное имя его младшего брата князя И. Ф. Варгана (16) — Феофан.

Кроме отмеченных поминальных вкладов по случаю кончины князя Давыда в ТСМ, Ипатьевский, Кирилло-Белозерский монастыри боярин князь Д. Щереда (7) передал в обитель Иосифа Волоцкого на поминание двоюродного брата «по его приказу и по духовной грамоте» 100 руб.⁵⁷, а 31 июля 1558 г. уже от себя еще 200 руб. Общая сумма денежных вкладов, сделанных Палецкими в крупнейшие монастыри в 1558 г., составила 700 руб. Ее весьма значительный размер свидетельствует о достигнутом фамилией высоким уровне благосостояния и наличии значительных свободных денежных средств. Поскольку прямых наследников у князя Давыда не осталось, его костромская вотчина, размер которой можно примерно оценить в 500–600 четей, была передана Ипатьевскому монастырю. К сожалению, отсутствие текста духовной грамоты Давыда Федоровича не позволяет узнать, как он распорядился другими землями и вещами. Его высокий социальный статус подразумевал владение не менее чем 1000 четей земли. Скорее всего, часть этих владений состояла из поместий, отошедших после кончины Давыда «на государя», а другие могли быть переданы родне или монастырям. Так, в Ржевском уезде, по ретроспективным данным, князь Давыд в волости Озерца владел поместьем, в состав которого входили: 1/3 сельца, 6 деревень, 8 пустошей (всего 167 четей)⁵⁸. Вероятно, поместье Д. Ф. Палецкого (15) включало все сельцо, и общий размер его был раза в три больше.

⁵³ Костромской музей-заповедник. КМЗ–КОК–24010. Вкладная книга Ипатьевского монастыря 1728 г. Л. 1–2 об. Благодарю А. П. Павлова за информацию из этого ценного источника.

⁵⁴ РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 207 об.

⁵⁵ РГБ. Ф. 304/I. № 41. Л. 3.

⁵⁶ Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 58–59.

⁵⁷ Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века... // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 51.

⁵⁸ Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимировой (половина князя Дмитрия Ивановича) / Подгот. А. А. Фролов. М.: СПб., 2014. С. 281–283.

О самом младшем из сыновей князя Ф. И. Меньшого Иване Федоровиче Варгане (16) почти нет сведений в источниках. В «Бархатной книге» он указан только по прозвищу, но в «Лобановском родословце» сообщается его мирское имя — Иван⁵⁹. В силу каких-то причин он не смог проявить себя на службе и умер до 1558 г., как следует из записи синодика ТСМ⁶⁰. Мужского потомства после него не осталось.

В 1558 г. с кончиной князя Давыда младшая линия Палецких угасла. Вскоре сошел с политической сцены последний из внуков И. Д. Палецкого Д. Щереда (7). В 7067 (1558/1559) г. он был отправлен на годовую службу в Казань вместе с князем Ю. М. Голицыным. В феврале 1559 г. у его дочери Ульяны родился сын Василий Юрьевич. Отсутствие деда при крещении внука может объясняться его пребыванием в это время в Казани⁶¹. Казанская служба была, видимо, последней у князя Дмитрия, поскольку больше о его деятельности не упоминается. В ТСМ под 29 марта 1560 г. отмечен вклад боярина князя Д. Ф. Палецкого (7) по жене княгине иноке Марфе⁶². По самому князю Дмитрию, согласно его воле, в Иосифо-Волоколамский монастырь было передано 100 руб. В соответствующей записи указан день его смерти — 11 сентября, а также иноческое имя — Дионисий⁶³. Можно заключить, что он скончался в начале 1560-х годов.

Успешной служебной карьерой князя Д. Ф. Палецкого (7) способствовали связи, установленные им в среде московской аристократии. Он породнился с выходцами из тверского боярства, преуспевшими на службе в Государевом дворе, — Бороздиными, с семьей самого великого князя. Его назначение душеприказчиком боярина князя М. И. Кубенского в 1548 г., вероятно, также было обусловлено родственными связями с этой первостепенной фамилией Ярославских Рюриковичей. Старший сын Д. Щереды (7) Семен был женат на княжне Феодоре — дочери другого представителя этой ветви князя Ивана Судского⁶⁴.

Как можно заключить из сведений о деятельности князя Д. Щереды (7), довольно подробно описанной в летописях и иных источниках, он обладал незаурядными способностями дипломата, военачальника и администратора, что позволило ему после смерти старшего брата Ивана поддержать и возвысить социальный статус Палецких. В результате младшая в ветви Стародубских Рюриковичей фамилия заняла лидирующие позиции в Государевом дворе, обойдя старшую в «родословной лестнице» родню (Пожарских, Кривоборских и др.).

Местом погребения князя Д. Щереды (7), а позднее его сыновей стал Кирилло-Белозерский монастырь⁶⁵.

К концу 1550-х годов пятеро сыновей Д. Щереды (7) достигли возраста службы или приближались к нему. Высокий статус отца позволял им рассчитывать на успешную карьеру. Казалось, дальнейшее процветание Палецким было вполне обеспечено, однако судьба судила иначе. Первое упоминание разрядами старшего из них князя Семена Дмитриевича (17) относится к 7067 (1558/1559) г., когда он был воеводой на годовой службе в Михайлове. В случае соединения войск для отражения набега крымцев ему предстояло занять место третьего воеводы большого полка. Он участвовал в Полоцком походе 1563 г., находясь «в большом же полку с царевым Шиголеевым двором», а потом во главе передового полка⁶⁶. Вместе с другими воеводами князь Семен был оставлен в Полоцке и участвовал в битве под Улой в начале 1564 г., в которой пал

⁵⁹ РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Л. 140, 142.

⁶⁰ РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 214.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 317.

⁶² Ее поминание отмечено в синодике: «кн(я)гиню инокою Марфоу (княж Дмитриевы кн(я)гини Палецкого)» (РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 82).

⁶³ Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века... С. 46.

⁶⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 67, 69.

⁶⁵ Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVII веках / Подгот. текстов и исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2012. С. 272—273.

⁶⁶ РК1598. С. 177, 179—180, 198, 200; ПСРЛ. Т. 13. С. 349.

вместе с братом Федором (19)⁶⁷. В Иосифо-Волоколамский монастырь был дан вклад братом Семена князем Василием (18) «по брате своем кн. Симионе», но лист с его описанием во Вкладной книге утрачен⁶⁸. Вклад был вещевым или денежным (скорее всего, обычным «поминальным» — 50 руб.), поскольку в копиях книг монастыря нет соответствующих «данных» грамот на земли. С. Д. Палецкий наследовал после родителя двор в Москве на Воздвиженской улице, который сгорел в пожаре 18 апреля 1564 г.⁶⁹

Второй сын Д. Щереды (7) князь Василий (18) впервые был отмечен разрядами воеводой в Туле в 7070 (1561/1562) г. В мае 1565 г. он служил первым воеводой в Пронске и в случае соединения войск должен был занять место второго воеводы передового полка. В сентябре того же года его сменил на этом воеводстве князь Федор Троекуров, а В. Д. Палецкий был отправлен на западный рубеж «на время в прибавку». Ему предстояло возглавить сторожевой полк в рати, собиравшейся в Великих Луках для похода к Полоцку⁷⁰. Весной 1566 г. В. Д. Палецкий вместе с братьями Андреем (20), Борисом (21) и другими лицами поручился в верности князя М. И. Воротынского. В июле того же года все трое подписали «Приговорную грамоту» об отказе литовским послам в перемирии и продолжении войны в Ливонии⁷¹. Во время боев 1567 г. князь Василий был тяжело ранен и вскоре умер [Скрынников, с. 310]. Его похоронили вместе с отцом в Кирилло-Белозерском монастыре.

Третий сын Д. Ф. Палецкого (7) князь Федор (19) разрядами не отмечен, поскольку не успел получить воеводских назначений. В феврале 1560 г. он ездил с «золотыми» от царя в Ливонию награждать отличившихся воевод⁷². Его карьера оказалась слишком короткой. Как отмечено выше, князь Федор пал в битве под Улой в 1564 г. Вкладной книгой ТСМ отмечен недатированный вещевой вклад князя Федора Палецкого («Образ пречистые богородицы Одигитрия обложен серебром»), данный между 1558 и 1564 г., но найти соответствующее поминание в синодиках и определить его назначение не удалось. В синодике ТСМ записана княгиня Василиса Палецкая, но, поскольку датировка в этой части рукописи спутана⁷³, установить, чьей супругой она была, нельзя. Возможно, ее мужем был Ф. Д. Палецкий. С другой стороны, в кормовых книгах Кирилло-Белозерского монастыря значилось поминание «по князе Федоре Палецком, да по княгине его Ульяне», но однозначно решить, кто из Палецких, носивших это имя, был ее супругом, также не удается⁷⁴.

Четвертый сын Д. Щереды (7) Андрей (20) отмечался разрядами чаще братьев, и его служебная карьера развивалась успешно. В 7078 (1569/1570) г. он служил воеводой в Новосиле и должен был в случае необходимости идти на соединение в большой полк под командованием князя И. П. Шуйского. В следующем 7079 (1570/1571) г. А. Д. Палецкий находился на годовой воеводской службе в Орле. При сходе воевод ему надлежало снова идти в большой полк, возглавлявшийся князем В. Ю. Голицыным. Из разрядной записи следует, что князья Палецкие не были в опричнине, а служили в земских войсках: «где случитца воеводе князю Василью Голицыну с товарищи сойтися под людьми с опришными воеводами, и, шедшися, быти по полком: в болшом полку передовому, в передовом полку сторожевому полку». В 7080 (1571/1572) г. князь А. Д. Палецкий «годовал» в Дедилове и «по вестям» должен был соединиться с большим

⁶⁷ «на том деле боярина князя Петра Шуйского убили и дворян князя Семена да князя Федора княже Дмитриевых детей Палецково и иных многих убили» (ПСРЛ. Т. 13. С. 377; Памятники истории русского служилого сословия. С. 191).

⁶⁸ Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века... С. 12, 64.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 382.

⁷⁰ РК1598. С. 195, 214, 217, 219, 221, 225.

⁷¹ Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 57–64, 175.

⁷² ПСРЛ. Т. 13. С. 325.

⁷³ РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 110.

⁷⁴ Кормовое поминовение... С. 309.

полком боярина князя М. И. Воротынского. Весьма вероятно его участие в знаменитой битве «на Молодях» в августе 1572 г. Осенью того же 1572 г. князь А. Д. Палецкий был назначен вторым воеводой в полк левой руки, «как государь посылал бояр и воевод на изменников на казанских людей на луговую черемису и на горную», после чего снова вернулся на воеводство в Деделов. Здесь он провел еще год и по летней росписи 1573 г. должен был идти «в сход» опять в большой полк под начало князя И. К. Курлятева. В 7082 (1573/1574) г. князь Андрей участвовал в строительстве «нового Кокшажского города», в котором остался воеводой на годовую службу. Здесь же он был отмечен в 7083 (1574/1575) г. В 7084 (1575/1576) г. князь А. Д. Палецкого назначили головой в большой полк боярина князя И. Ф. Мстиславского в Серпухов. В этом разряде было много представителей знатных фамилий, что объясняет это сравнительно низкое назначение. По осенней росписи 1576 г. похода «в немецкую землю на зиму» князь Андрей был снова вторым воеводой полка левой руки. Эта заметная должность (теперь уже к нему назначались полковые головы из других княжеских фамилий) все же вызвала его недовольство: «писал к государю князь Ондрей Палецкой, что велено ему быти в левой руке, а князю Петру Хворостинину в передовом полку; и ему для князя Петра Хворостинина быти невмесно». В 7085 (1576/1577) г. А. Д. Палецкий служил в Донкове и значился «сходным» воеводой в большой полк на Тулу к князю Д. А. Ногтеву. Место второго воеводы передового полка ему следовало занять по майской росписи 1578 г. в войске, посланном к Полчеву во время похода в Ливонию. В той же должности А. Д. Палецкий должен был остаться и летом, после прибытия подкрепления во главе с боярином князем В. А. Сицким. Этот разряд вызвал серию местнических протестов. На А. Д. Палецкого «писал к государю» князь М. Тюфякин Оболенский: «ему в болшом полку в третьих быти нельзе за князем Андреем Палетцким, что князь Ондрей в передовом полку в других, а князь Петр Хворостинин в сторожевом полку другой; и ему менши князя Андрея Палецкого и князь Петра Хворостинина быти невмесно». Сам князь Андрей «бил челом» на князя В. Сицкого: «велено быти в передовом полку в других, а князю Василью Ситцкому в болшом полку в других; и ему для его быти невмесно». По летней росписи 1579 г. большого ливонского похода царя князь А. Д. Палецкий назначался третьим воеводой в полк левой руки. Вскоре «августа в 1 день по полотцким вестем послал государь изо Пскова в Сокол околничего и воеводу Федора Васильевича Шереметева да князя Ондрея Дмитриевича Палецкого, да князя Василья Кривоборскова»⁷⁵. В битве под Соколом в сентябре 1579 г. А. Д. Палецкий погиб. В Синодике Иосифо-Волоколамского монастыря упоминаются павшие под Соколом князь Андрей Палецкий, его родственник из ветви Стародубских Рюриковичей Василий Кривоборский и др.⁷⁶ Поминание их обуславливала «дача государская по воеводем и по дворянем и по детех боярских, которые побиты в Соколе» в 1579 г. Корм поминальный назначался 12 сентября⁷⁷.

Младший из сыновей Д. Ф. Палецкого (7) князь Борис (21) разрядами не упоминался, возможно, он не мог служить по каким-то причинам. В начале 1580-х годов Б. Д. Палецкий постригся в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Боголеп, где и умер⁷⁸. По мнению Н. К. Никольского, его пострижение было насильственным, хотя указаний в источниках на это обстоятельство нет⁷⁹. С его кончиной угасла фамилия Палецких. Не вполне ясна судьба дочери Д. Щереды (7) Ульяны. Ее сын Василий умер на другой год после рождения⁸⁰. Вскоре скончались

⁷⁵ РК1598. С. 231, 235, 238, 239, 246–248, 250–252, 256, 265, 273, 275, 282, 283, 286, 287, 294.

⁷⁶ ГИМ. Епархиальное собр. № 415. Л. 2 об.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 141. Л. 6 об.

⁷⁸ Т. И. Шабловой годом кончины князя Бориса указан 1608-й, когда по нему был заказан сорокоуст (Кормовое поминовение... С. 369).

⁷⁹ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII в. СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1. Приложение 5. С. LXXXVI, LI.

⁸⁰ 7068 (1559/1560) г. помечен вклад 50 руб. Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь «по племяннике своем по кн(я)зе Василии Юриевиче» (РНБ. Ф. 351. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря. № 87/1325. Вкладная книга. Л. 12).

муж князь Юрий и отец. Около 1564 г. она постриглась под именем Александры в Новодевичьем монастыре. По неподтвержденным данным, в 1569 г. ее убили опричники из-за связей с матерью князя В. А. Старицкого Ефросиньей (Хованской) [Русский биографический словарь, с. 142]. Поскольку на служебном положении брата Ульяны Андрея данное событие заметно не отразилось, есть основание сомневаться в точности этих сведений. По заключению С. Б. Веселовского, Ульяна (инока Александра) умерла своей смертью в 1575 г. в Москве в Новодевичьем монастыре [Веселовский, с. 102].

Информация о земельных владениях Палецких сохранилась отрывочно. По своему общественному положению они могли владеть несколькими тысячами четей поместий и вотчин, но по поздним упоминаниям известно только о расположении некоторых владений, и размер их можно оценить лишь приближенно. Крупные вотчины князей этой фамилии были сосредоточены в Костромском уезде. Владение князя Давыда с центром в селе Михайловском описано выше. В стане Вязком того же уезда было поместье (1/2 пустоши Прутево, 2 полупустоши; 2 чети), лежавшее ко времени описания в 1620-х годах в «порозжих землях», князя Василия «Пелетцкого». Его владельцем, скорее всего, был сын Д. Щереды (7) Василий (18)⁸¹. В волости Сорохта Костромского уезда находилась бывшая вотчина (село Стретенское, 4 деревни, 9 пустошей; 528 четей) боярина князя Д. Щереды, перешедшая к его сыну Андрею (20), а после него доставшаяся Кирилло-Белозерскому монастырю по воле постригшегося в нем брата князя Андрея — Бориса (Боголепа)⁸². 17 марта 1583 г. была оформлена жалованная вотчинная царская грамота за подписью дьяка Якова Витовтова игумену этого монастыря Игнатию на село Вильгошь в Бежецком Верхе и села Стретенское и Цыбино в Костромском уезде, данные в вотчину князю Борису (21), которого «пожаловали есмя, велели в Кириллове монастыре постричи и душу его после его живота и отца его... и братьев его душу устроить». До этого 3 марта 1580 г. была выдана жалованная царская вотчинная грамота князю Б. Д. Палецкому на вотчину его отца князя Дмитрия (7) и братьев Семена, Василия, Федора и Андрея Палецких села Стретенское и Цыбино в Костромском уезде и село Вильгошь в Бежецком Верхе до его смерти, а «умрет или пострижетца ино по нем дата за те села в монастыри по нашему уложению деньги, а те села взяти на меня, царя и великого князя»⁸³. Следовательно, в Костромском уезде располагались преимущественно вотчинные владения Палецких, размер которых был не менее 1000 четей. Другим районом их вотчинного землевладения был Бежецкий Верх (около 800 четей). Описание этого владения сохранилось в писцовых книгах Бежецкой пятины (село Вильгошь в Каменском стане в Иногостицкой волости на реке Медведице и 70 деревень (из них живущих 20); 2 сохи (около 600 четей))⁸⁴.

В 1579—1580 г. после гибели князя А. Д. Палецкого (20) его вотчинные села Горинское и Петровское в Пошехонском уезде были взяты «на государя», а в обеспечение его поминания в Кирилло-Белозерский монастырь даны деньги 2000 руб. Столь значительную цену могла иметь вотчина размером 1000—1500 четей. Остальные вклады Палецких в эту обитель были денежными или вещевыми. Специально для поминания князя Д. Щереды (7) царь Иван Грозный передал Кирилло-Белозерскому монастырю икону «Божия милосердия понагию... Живоначальныя Троицы да Воплощение сына Божия в окладе с камением»⁸⁵.

⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 209. Л. 231.

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 210. Л. 1124 об.—1130.

⁸³ Описание документов XIV—XVII вв. в копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки / [Сост. Г. П. Енин]. СПб., 1994. С. 148.

⁸⁴ Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. М., 2001. Т. 3. С. 230.

⁸⁵ РНБ. Ф. 351. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря. № 87/1325. Вкладная книга. Л. 18 об., 19 об., 20, 70, 71, 71 об.

В Коломенском уезде в стане Большой Микулин А. Д. Палецкому (20) принадлежала бывшая вотчина (сельца Зенково, Василевское/Хотяинцово на реке Оке; 255 четей) князя М. И. Кубенского, видимо, завещанная ему или его отцу Д. Щереду (7)⁸⁶.

В Московском уезде в Васильцеве стане находилось поместье князя Б. Д. Палецкого (21), в состав которого входили пустоши Нестерово, Двореково, Костино, пустошь (бывшее сельцо) Щетниково. Поместье князя Д. Щереды (7) было в стане Радонеж (пустоши Ульяново, Туболово, Мартьяново, Рожково, Стрелково, Кувакино; 150 четей)⁸⁷.

Еще одна вотчина Д. Щереды (7) располагалась в Звенигородском уезде в Тросненском стане (село Михайловское на реке Озерке и 21 деревня; около 750 четей)⁸⁸.

В Можайском уезде в Колоцком стане в 1620-х годах сытник Иван Родионов Шапкин владел частью бывшей вотчины князя Д. Щереды (7) (1/3 сельца Новинок с пустошами; 65 четей). В «порозжих землях» числилась другая часть этой вотчины (1/2 пустоши Беклемешевские; 20 четей). Часть поместья сына Д. Щереды (7) Бориса (21) в Подрельском стане лежала в «порозжих землях» (8 пустошей; 218 четей)⁸⁹. Размер поместных и вотчинных владений Д. Щереды (7) и его сыновей в Можайском уезде мог составлять около 500 четей.

Сведения о владениях Палецких в «родовом гнезде» сохранились плохо. Упоминание о землях сыновей князя Д. Щереды (7) в Стародубском уезде содержит духовная грамота Ивана Грозного 1572 г. («село Палех, что было княж Дмитриевых детей Палецкаго»)⁹⁰. Кроме этого, в стане Демин Суздальского уезда располагалась вотчина А. Д. Палецкого (село и 7 пустошей), в 1620-х годах частично лежавшая в «порозжих землях»⁹¹.

Приведенные сведения позволяют оценить общий размер земельных владений Палецких в 6000–7000 четей, в составе которых преобладали вотчины, и причислить князей этой фамилии к крупнейшим землевладельцам Московского государства XVI в. Размер их родовой вотчины был невелик, и службу они иногда несли с более крупных владений в других уездах, поэтому в Тысячной книге князь Давыд был записан по Костроме.

В сохранившихся копийных книгах Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, с которым были тесно связаны Стародубские Рюриковичи, князья Палецкие не упоминаются. Этот факт свидетельствует об ослаблении их связей с «родовым гнездом». Достигнутый высокий социальный статус давал возможность князьям этой фамилии делать значительные вклады в крупнейшие монастыри страны, что не исключало сравнительно мелких денежных или вещевых вкладов в иные обители, но информация о них могла не сохраниться или еще не выявлена. Несмотря на некоторый отрыв от «родового гнезда», Палецкие поддерживали родственные связи с другими фамилиями Стародубских Рюриковичей, что видно из указанного выше состава душеприказчиков князя Давыда, участия Д. Щереды (7) в оформлении завещания дальнего родственника князя В. И. Осиповского⁹².

* * *

Фамилия князей Палецких в полной мере может считаться аристократической, поскольку ее представители получали думные чины, занимали важные воеводские и наместничьи должности, состояли в родстве не только со знатными фамилиями Государева двора, но и с царской семьей. В их истории можно отметить общие и особенные черты в сравнении с другими аристократическими фамилиями. К числу первых относится малочисленность мужской части. В составе фамилии

⁸⁶ Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 376–377.

⁸⁷ Там же. С. 27, 39, 40, 236.

⁸⁸ Там же. С. 703–704.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10815. Л. 1005 об.–1009, 1059 об., 11317–11320 об.

⁹⁰ ДДГ. С. 435.

⁹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11319. Л. 234.

⁹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 123.

Палецких, считая с основателя Ивана Давыдовича, насчитывается 21 князь (Ил. 1)⁹³. Максимальной численности Палецкие достигли на рубеже XV–XVI в. в третьем поколении. Однако казнь И. Хруля, гибель Ф. И. Меньшого с сыновьями привели к быстрому сокращению их численного состава. В XVI в. одновременно действовало 5–6 лиц этой фамилии. Это обстоятельство способствовало сохранению вотчинных владений, поскольку их не требовалось делить между большим числом наследников, но вместе с тем повышался риск пресечения фамилии.

Другой характерной чертой было наличие среди Палецких ряда видных политических, военных, дипломатических деятелей (Ф. И. Большой (2), его сыновья Иван (6) и Дмитрий (7), племянник Давыд Федорович (15), внук Андрей Дмитриевич (20)). Их служба обеспечила рост благосостояния фамилии. Зависимость общественного статуса княжеских фамилий от служебной годности проявлялась уже со второй трети XVI в. Участие князей в руководстве войсками, отдельными территориями определялась местом в структуре Государева двора. Сохранять высокое положение на протяжении десятилетий удавалось не всем. Неспособность к службе раньше или позже приводила к утрате положения, достигнутого усилиями предшествующих поколений. Напротив, личные способности позволяли подняться с низших к высшим ступеням в служебной иерархии и удержаться на них. Приведенные выше факты истории Палецких вполне подтверждают эти наблюдения.

Как видно из приведенных служебных назначений Палецких, они «бесспорно» признавали превосходство старших потомков князя Михаила Черниговского Воротыньских, Одоевских, потомков Гедимины (Голицыных, Щенятевых, Мстиславских), старших фамилий в ветви князей Оболенских (Курлятевых, Тепневых) и Ярославских (Курбских), всех фамилий Суздальских Рюриковичей, но выступали с местническими протестами против младших князей Ярославских – Хворостининых, Сицких. Общее число известных местнических конфликтов с участием Палецких невелико – 6 [Эскин, с. 47, 63–65, 241]. При этом пять из них связаны со служебными назначениями князя Андрея Дмитриевича в 1576–1578 г. Ему, как единственному служившему в это время князю Палецкому, приходилось отстаивать свой статус от выдвинувшихся в период опричнины князей Хворостининых, Сицких. Почти полное отсутствие местнических конфликтов Палецких до 1570-х годов указывает на устойчивость их общественного положения, которое стало колебаться только в последний период существования фамилии.

Как младшим в родословной «лестнице», Палецким досталась небольшая вотчина в «родовом гнезде», которая сохранялась за ними, но составляла едва ли десятую часть их обширных владений, включавших земли, «распыленные» по семи уездам. Вотчины, входившие в эти владения, были куплены или получены в приданое за женами, а поместья даны за службу. Значительный суммарный размер латифундии, состоявшей из сравнительно небольших владений, расположенных не в одном, а в разных уездах, также характерная черта землевладения аристократии Московского государства.

Реализация указа об учреждении опричнины после 1565 г., насколько можно заключить по известным данным, мало коснулась Палецких. В середине 1560-х годов в живых оставались только два сына Д. Щереды (7): не служивший князь Борис и его брат Андрей, напротив, активно служивший. Хотя последний не был взят в опричнину, он не подвергался опалам и, возможно, пользовался расположением царя [Русский биографический словарь, с. 142–143].

В связи с проблемой реконструкции утраченной части Стародубского «Княжеского списка» Дворовой тетради [Скрынников, с. 78] следует отметить, что в нем могли быть записаны все пять

⁹³ В кормовом поминании Кирилло-Белозерского монастыря среди Палецких отмечены имена князей Михаила и Александра. По другим источникам они не известны. В кормовых книгах часто на один день назначалось поминание нескольких фамилий, поэтому указанные лица могли принадлежать к другой княжеской фамилии и оказаться в составе Палецких из-за погрешности при переписке рукописи. Включать их в родословную Палецких до обнаружения подтверждающей информации в иных источниках нет оснований (Кормовое поминание... С. 116).

сыновей Д. Щереды (7), хотя к началу 1560-х годов «поспели в службу» только двое старших (Семен и Василий) [Сергеев].

Возвышение младшей по родословной «лестнице» фамилии в результате успешной службы князей двух поколений можно считать особенностью эволюции социального статуса Палецких. Центральная фигура — князь Д. Ф. Щереда (7), на время деятельности которого пришелся пик их успехов.

Другой отличительной чертой в социальном облике данной фамилии были многочисленные крупные денежные и вещевые вклады во все значительные монастыри Московского государства: Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Симонов, Кирилло-Белозерский, Костромской Ипатьевский. Чаще всех их делал князь Д. Щереда (7).

К сожалению, очень мало сведений о брачных союзах Палецких. Определенные данные есть только о браках князя Семена (17), Ульяны Дмитриевны и неизвестной по имени сестры Д. Щереды (7), которая могла ему приходиться не родной, а двоюродной. В источниках сохранились отмеченные выше имена жен ряда князей Палецких, но, к каким родам они принадлежали, неизвестно. Косвенные данные указывают на родство или свойство Палецких с князем М. И. Кубенским. Возможно, из этой фамилии происходила супруга Д. Щереды (7) княгиня Марфа.

Особенной чертой Палецких, выделявшей их среди иных княжеских фамилий, был очень высокий процент князей, павших в разное время на «государевой службе» в ходе военных действий. Погибли или попали в плен, из которого не смогли вернуться, 9 человек, то есть около половины от общей численности фамилии. Указанным обстоятельством в значительной мере было предопределено ее угасание.

Литература

- Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века. // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 149–196.
- Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 101–131.
- Гневашев Д. Е. Вологодский служилый «город» в XV — начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время. Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 672–683.
- Греков Б. Д. Описание актовых книг, хранящихся в архиве Археографической комиссии. Пг., 1916.
- Давыдов М. И. Стародуб Рязоловский в XIII — 70-х гг. XVI в.: политическое развитие, административно-территориальное устройство, эволюция структур землевладения. Дисс. ... канд. истор. наук. Владимир, 2004.
- Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1857. Ч. 4.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии во второй половине XV — первой трети XVI века. М., 1988.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 5–8.
- Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2.
- Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 40–54.
- Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13.
- Сергеев А. В. Стародубские Рюриковичи в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради начала 1550-х гг. // Ключ. 2018. № 8 (140). С. 36–48.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2.
- Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.

References

- Antonov A. V., Krom M. M. Spiski russkih plennyh v Litve pervoj poloviny XVI veka [Lists of Russian Prisoners in Lithuania in the First Half of the 16th Century]. In *Arhiv russkoj istorii*. M., 2002. Issue 7. P. 149–196.
- Ekzempljarskij A. V. Velikie i udel'nye knyaz'ya Severo-Vostochnoj Rusi v tatarskij period s 1238 po 1505 g. [Great and Unit princes of North-Eastern Russia in the Tatar Period from 1238 to 1505]. SPb., 1891. Vol. 2.
- Eskin Yu. M. Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vv. Hronologicheskij reestr [“Mestnichestvo” in Russia of the 16th – 17th Cent. Chronological Registry]. M., 1994.
- Gnevashev D. E. Vologodskij sluzhilyj “gorod” v XV – nachale XVI veka [Vologda Military “City” in the 15th – the Beginning of the 16th Century]. In *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii. Srednie veka i Novoe vremya. Sbornik statej pamyati akademika L. V. Cherepnina*. M., 2010. P. 672–683.
- Grekov B. D. Opisanie aktovyh knig, hranyashchihysya v arhive Arheograficheskoy komissii [Description of Act Books Stored in the Archives of the Archaeographic Commission]. Petrograd, 1916.
- Davydov M. I. Starodub Ryapolovskij v XIII – 70-h gg. XVI v.: politicheskoe razvitie, administrativno-territorial'noe ustrojstvo, evolyuciya struktur zemlevladieniya [Starodub Ryapolovsky in the 13th – the 70-s of the 16th Cent.: Political Development, Administrative-Territorial Structure, the Evolution of Land Tenure Structures]. Diss. ... kand. istorich. nauk. Vladimir, 2004.
- Dolgorukov P. V. Rossiiskaya rodoslovnaya kniga, izdavaemaya knyazem Petrom Dolgorukovym [The Russian Pedigree Book, Published by Prince Peter Dolgorukov]. SPb., 1857. Part 4.
- Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskago [History of the Russian State]. M., 1989. Book 2. Vol. 5–8.
- Lobanov-Rostovskij A. B. Russkaya rodoslovnaya kniga [The Russian Pedigree Book]. SPb., 1895. Vol. 2.
- Nazarov V. D. O strukture “Gosudareva Dvora” v seredine XVI v. [On the Structure of the “Gosudarev Dvor” in the Middle of the 16th Cent.]. In *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noj Rossii*. Sb. statej. M., 1975. P. 40–54.
- Russkij biograficheskij slovar' [Russian Biographical Dictionary]. SPb., 1902. Vol. 13.
- Sergeev A. V. Starodubskie Ryurikovichi v Tysyachnoj knige 1550 g. i Dvorovoj tetradi nachala 1550-h gg. [Starodub Rurik Dynasty in the “Tysyachnaya kniga” of 1550 and in the “Dvorovaya tetrad” of the beginning of 1550-s]. In *Klio*. 2018. № 8 (140). P. 36–48.
- Skrynnikov R. G. Tsarstvo terrora [The Kingdom of Terror]. SPb., 1992.
- Veselovskij S. B. Poslednie udely v Severo-Vostochnoj Rusi [Last Apanages in Northeast Russia]. In *Istoricheskie zapiski*. M., 1947. Vol. 22. P. 101–131.
- Zimin A. A. Formirovanie boyarskoi aristokratii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI veka [The Formation of the Boyar Aristocracy in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th Century]. M., 1988.

Anton V. Sergeev

Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Saint Petersburg, Russia

POLITICAL ACTIVITY AND LAND TENURE OF THE PRINCELY ARISTOCRACY OF THE MUSCOVY STATE OF THE 16th CENTURY: PRINCES PALETSKY

The article is devoted to determining the degree of participation in political events, the nature of land tenure of the younger surname of Starodubsky Rurikids – Princes Paletsky. Their example shows that seniority in the “pedigree of a ladder” was a significant, but not a decisive factor in the social position, which was more dependent on the success of career. The political activity of Prince Dmitry Schereda contributed to the growth of the Paletskies social status. In comparison with other princely surnames, the Paletskies had a very high percentage of princes who died in service during military operations.

Keywords: Starodub Princes, social status, surname, service, pedigree, land tenure